

**КОГНИТИВНАЯ ПРАГМАТИКА
КАК ПРАГМАТИКА ПОЛИМОДАЛЬНАЯ:
АНАЛИЗ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ
В УСТНОМ ДИАЛОГЕ**

О. К. Ирисханова

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 10.11.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-4

В исследовании, выполненном в русле когнитивной полимодальной прагматики, выявляются особенности распределения интерсубъективного позиционирования с жестами в устном диалоге на русском языке. Выдвигается гипотеза о том, что жесты с повторяющимися формальными свойствами (тип и направление движения, конфигурация ладони и пр.) демонстрируют некоторые закономерности в употреблении с выражениями, содержащими прагматические маркеры интерсубъективного позиционирования — согласия и несогласия, слияния точек зрения, указания на субъекта позиционирования, оппозиции мнений, прямой или косвенной эвиденциальности. Количественный и качественный анализ видеозаписей на русском языке, аннотированных с помощью программы ELAN, показал, что наиболее частотные жесты для интерсубъективности в целом — это жесты протягивания открытой ладони собеседнику, однако статистически значимая сопряженность типов жестов и (под)типов интерсубъективности обнаружена только для жестов указания при попарном сопоставлении согласия и несогласия, а также для бинарных зеркальных жестов при сравнении слияния и оппозиции точек зрения. Жесты указания существенно чаще используются с согласием, а бинарные жесты — с противопоставлением точек зрения. Предложенный подход позволил выявить жесты с устойчивыми функциями позиционирования в устном диалоге (рекуррентные жесты). В когнитивном плане обнаружены некоторые особенности реализации воплощенной когниции в диалогическом общении. Подтверждается значимость физической ориентации говорящих относительно высказываемых точек зрения с помощью нескольких миметических схем, которым следуют жесты: демонстрации объекта, физического установления контакта с собеседником, локализации и размещения предметов в пространстве.

Ключевые слова: интерсубъективное позиционирование, жест, рекуррентный жест, миметическая схема, воплощенная когниция

1. Введение. О когнитивной прагматике и жестах

Когнитивная прагматика оформилась к концу XX века, о чем свидетельствует, в частности, выход первого номера журнала *Pragmatics and Cognition* в 1993 году, а также ряд последующих монографий под аналогичным названием (Bara 2010; Schmid 2012). Данное направление про-

должает укрепляться как в отечественной, так и в зарубежной когнитивной лингвистике, порождая немалое количество исследований речевых актов, дейксиса, перспективы, референции, релевантности, имплицатуры и др., традиционно относимых к прагматике явлений, и рассматривая их с точки зрения ментальной деятельности. Хотя истоки и общие установки этого направления очевидны, само понятие когнитивной прагматики не столь легко поддается определению, поскольку, как отмечала Е. С. Кубрякова (2004), практически все когнитивные исследования так или иначе относятся к неофункционализму — значит, нацелены на описание того, как мы используем язык.

Ситуация осложняется и тем, что, если мы посмотрим, например, на сайт журнала *Pragmatics and Cognition*¹, то увидим, что область исследования когнитивной прагматики очень широка и включает в себя практически все аспекты коммуникации как лингвосомиотической, биологической, социальной деятельности человека и не только. Диапазон тем простирается от отношений между семиотическими системами человека, животных и машин в их взаимосвязи с ментальными процессами и формализации речевой деятельности до нейробиологических и психологических оснований языка и речевых нарушений, социокультурного варьирования речи и ее исторического развития. Подобное понимание восходит к широкой трактовке прагматики, которую находим в семиотических трудах Ч. С. Пирса, Я. фон Иксюля, Т. Себеока, С. Т. Золяна (см., напр.: Золян 2022).

Х.-Й. Шмид, автор известной монографии по когнитивной прагматике, опирается на более узкое понимание когнитивной прагматики — как изучения когнитивных способностей и процессов, которые обеспечивают понимание того «что имеется в виду» (what is meant) на основании того, «что произнесено» (what is said) (Schmid 2012, p. 1). Это в целом согласуется с определением Б. Бара, который указывает, что когнитивная прагматика — это исследование ментальных состояний людей, участвующих в коммуникации (Bara 2010, p. 1). Однако даже более узкие лингвистические трактовки оставляют место для простора, и к настоящему моменту когнитивная прагматика представляет собой достаточно разнородную сферу лингвистических исследований, в которой прагматический подход к языку совмещается с когнитивным подходом и которая фокусируется на конструировании значений-в-контексте (Schmid 2012). Таким образом, к когнитивно-прагматическим исследованиям можно отнести довольно разнообразный спектр идей и концепций: теорию релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, теорию коммуникативного контекста Т. Гивона, теорию интенций Р. Гиббса, социокогнитивную концепцию языкового закрепления и конвенционализации Х.-Й. Шмида, теории прагматикализации, а также многочисленные отечественные исследования, относящиеся к когнитивному анализу дискурса — когнитивно-дискурсивной парадигме или когнитивно-функ-

¹ URL: <https://www.tau.ac.il/humanities/philos/dascal/papers/pragNcog.htm>

циональному направлению (см. исследования Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Н.Н. Болдырева, А.А. Кибрика, И.В. Зыковой, О.В. Соколовой, В.В. Фещенко и др.).

При таком разнообразии исследований парадоксальным кажется то, что довольно долго за пределами внимания когнитивно-прагматических лингвистов оставался важнейший аспект устной интеракции — полимодальный, или полисемиотический, по Дж. Златеву (Zlatev 2007)². К последнему относится, в частности, кинетический (жестовый) аспект. Несмотря на то что по умолчанию большинство «жестовых» исследований можно отнести к когнитивно-прагматическому направлению, эксплицитная связь между словесно-жестовой полимодальностью (мультимодальностью, мультиканальностью, полисемиотичностью) и прагматикой прослеживается в довольно ограниченном количестве работ (Николаева 2004; Harrison 2014; Гришина 2017; Kibrik, Fedorova 2018; Зыкова, Руджери 2024).

Вместе с тем именно «жестовая» составляющая привносит в когнитивные исследования устного дискурса такую важную проблему, как роль коммуникативно значимых движений, непосредственно связанных с телесным познанием (*embodied cognition*), в сиюминутных процессах интерактивного построения значения-в-контексте. Как показано в исследованиях кинетических единиц, жесты, подобно языковым прагматическим маркерам, способны указывать на роль говорящих в диалоге (Kibrik, Fedorova 2018), обеспечивать выделенность фрагментов речи (Müller, Tag 2010), регулярно реализовывать определенные прагматические функции (см., напр.: Alibali et al. 2017; Cienki 2022), различать типы дискурса (Ирисханова 2021).

Иными словами, мы наблюдаем *de facto* становление полимодальной когнитивной прагматики, которую можно определить в широком смысле как изучение когнитивных процессов и механизмов, лежащих в основе коммуникативной деятельности использующих разные каналы коммуникации и знаковые системы людей. Применительно к жестам это предполагает изучение взаимосвязи когнитивно и прагматически значимых явлений в дискурсе (речевых актов, дейксиса, прагматических ролей говорящих, имплицатур, позиционирования, прагматикализации и др.), реализация которых происходит по разным модальностям.

Представляемое в данной статье исследование посвящено эмпирическому анализу взаимосвязи позиционирования (в нашем случае — интерсубъективного позиционирования) как когнитивно-прагматического явления, реализуемого с помощью вербальных прагматических маркеров и жестов как прагматически релевантных мануальных движений, сопровождающих эти маркеры.

Соответственно, цель исследования — определить на материале русского языка вклад жестов в интерсубъективное позиционирование

² Отметим, что в настоящем исследовании понятия «поли- / мультимодальность» и «полисемиотичность» используются синонимически, в отличие от ряда работ, в которых под первым термином понимается совмещение сенсорных модальностей — зрения, слуха, обоняния и пр., а под вторым — совмещение семиотических систем (Green 2014; Stampoulidis et al. 2019; Zlatev 2019).

говорящих в диалогической речи, что предполагает поиск ответов на следующие вопросы: 1) Как распределяются жесты с определенными языковыми маркерами позиционирования — маркерами интерсубъективности? 2) Наблюдаются ли в этом распределении некоторые закономерности? 3) Какое значение имеют полученные данные о совместном употреблении жестов и прагматических маркеров интерсубъективного позиционирования для когнитивной прагматики, а именно для понимания процессов воплощенного познания (*embodied cognition*), лежащих в основе полимодальных (полисемиотических) актов позиционирования в устном спонтанном диалоге?

2. Интерсубъективное позиционирование и жесты как ключевые понятия исследования

В данной работе мы исходим из понимания позиционирования (*stance-taking*) как реализуемого в диалогической речи когнитивно-прагматического процесса, в ходе которого участники интеракции выражают, распознают и координируют свои позиции относительно обсуждаемых ими объектов, событий, явлений.

Отметим, что данный языковой феномен получил разные терминологические обозначения, подчеркивающие тот или иной аспект позиционирования: оценка (*evaluation / appraisal*) (Hunston, Thompson 2000); точка зрения, или перспектива (Langacker 2007; Verhagen 2007), эгоцентричность (Падучева 2018), голос (*voice*) (Hyland 2008), тетические выражения (*theticals*) (Heine 2013).

В настоящей работе мы исходим из того, что позиционирование семантически разнородно, динамично и меняется по ходу интеракции. Оно может быть как локальным, так и глобальным, то есть длиться лишь определенный отрезок дискурса (например, в пределах одной или нескольких элементарных дискурсивных единиц — ЭДЕ) или охватывать весь диалог (когда говорящий, например, неоднократно выражает отрицательное отношение к референтному событию). Кроме того, позиционирование социально: оно следует коммуникативным нормам того или иного сообщества и носит интерперсональный характер. Последнее означает, что говорящие не только выражают собственную точку зрения, характеризуя референтов, но и обращаются к позиции слушающего или третьего лица, постоянно осуществляя взаимную настройку.

Соответственно, с опорой на предыдущие исследования (Biber, Finegan 1989; DuBois 2007; Verhagen 2007) мы выделяем четыре типа позиционирования: эпистемическое позиционирование (выражение уверенности / сомнения, долженствования, необходимости, запрета); оценочное позиционирование (выражение положительной и отрицательной оценки, частных оценок и степени проявления оценочных признаков); позиционирование релевантности (выделение значимости или незначимости свойств объектов и мнения говорящего для беседы); интерсубъективное позиционирование (позиционирование с учетом разных точек зрения).

В настоящей работе внимание уделяется последнему типу позиционирования — интерсубъективному, которое понимается как реализуемая в диалогической речи когнитивная способность коммуникантов постоянно координировать точки зрения, как бы соизмеряя свое субъективное видение с субъективной позицией собеседника и повышая тем самым степень объективности диалога в целом. Таким образом, интерсубъективизация — это совместная деятельность говорящих по достижению, поддержанию и пересмотру баланса между двумя противоположными когнитивными процессами — субъективизацией и объективизацией (ср.: Langacker 2007), что является условием успешной интеракции в целом.

Типы позиционирования выражаются с помощью определенных языковых прагматических маркеров, под которыми мы вслед за С. Левинсоном, О.В. Соколовой и В.В. Фещенко понимаем единицы, «которые выполняют коммуникативные и метаязыковые функции, выражают отношение говорящего к содержанию высказывания, а также обладают способностью ссылаться на контекст высказывания, структурировать дискурс и участвовать в организации интеракции» (Sokolova, Feshchenko 2024, p. 710).

Мы также исходим из того, что позиционирование полимодально и выражается как определенными языковыми средствами, так и кинетически — мимикой, движением глаз, позой, мануальными жестами. Следовательно, в роли прагматических маркеров могут выступать также кинетические единицы.

К таким прагматически релевантным единицам относятся жесты, получившие название рекуррентных. Речь идет не столько о факте их повторяемости, сколько о том, что они демонстрируют относительно устойчивую, то есть часто наблюдаемую и конвенциональную (разделяемую носителями соответствующего языка), связь между формой и содержанием / функцией в разных контекстах у разных говорящих. Заметим, что, как и позиционирование, рекуррентные жесты пока не получили общепризнанного терминологического обозначения. Их называют интерактивными жестами (Bavelas et al. 1995), прагматическими жестами (Kendon 2004; Гришина 2017), конверсационными жестами (Bavelas et al. 1995), жестикуляционными формами (Kendon 2004) и т.д.

Вне зависимости от применяемых терминов разные исследователи сходятся во мнении, что прагматически релевантные жесты:

- регулярно выполняют определенные прагматические функции в речи (Ladewig 2014);
- обеспечивают связь между частями дискурса, относящимися к одной теме (Bressem 2013);
- вариативны и образуют семьи жестов (*gesture family*) как совокупности «жестовых выражений, объединенных одной или более кинетической или формальной характеристикой» (Kendon 2004, p. 227).

На сегодня к наиболее изученным группам (семьям) рекуррентных жестов относятся жесты смахивания, отрезания, отбрасывания, которые указывают на отрицание, отказ (*AWAY gestures*) (Bressem, Müller 2014);

жесты «пальцы щепотью», которые имитируют манипулирование небольшим предметом и, как правило, выполняют функцию подчеркивания идеи (*grappolo, ring gestures*) (Kendon 2004); циклические жесты, указывающие на процессы — как физические, так и ментальные (*cyclic gestures*) (Гришина 2017); жесты ладонью вверх, которые используются для демонстрации чего-либо, запроса информации или, вместе с пожиманием плечами, демонстрации отсутствия знаний (*palm-up-open-hand gestures*) (Müller 2004); жесты ладонью вниз, с помощью которых говорящий отрицает что-либо (*palm-down-open-hand gestures*) (Müller 2004).

Принимая во внимание предыдущие исследования отдельных прагматических аспектов жестового поведения говорящих (Kendon 2004; Николаева 2004; Гришина 2017; Ирисханова 2021), мы предполагаем, что жесты, которые будут сопровождать выражения с языковыми маркерами интерсубъективного позиционирования, продемонстрируют соотнесенность некоторых своих формальных характеристик (положения ладони, траектории движения и др.) с некоторыми из подтипов интерсубъективности, выделенных нами на основе языковых маркеров. Это позволит отнести такие жесты к рекуррентным и, соответственно, придать им статус прагматических маркеров позиционирования, а также, в более широком плане, сделать выводы об особенностях проявления воплощенного познания в словесно-жестовых единствах, используемых для взаимной настройки говорящих в диалоге.

3. Эмпирическое исследование интерсубъективного позиционирования с учетом жестов: процедуры сбора и анализа материала

Для изучения закономерностей распределения жестов с выражениями позиционирования были сформулированы частные задачи: 1) определить, какие сочетания маркеров интерсубъективного позиционирования и категорий жестов по их формальным параметрам наиболее частотны в изучаемом материале; 2) установить, наблюдаются ли статистически значимые различия в распределении жестов между подтипами интерсубъективного позиционирования; 3) выявить жесты, которые обладают потенциалом рекуррентности (а значит, могут быть рассмотрены в контексте прагматикализации), и установить их роль в соответствующих сочетаниях.

Для проведения исследования был собран и аннотирован в программе ELAN³ видеоматериал, полученный от 20 участников (10 диалогических пар; средний возраст 27 лет). Испытуемым предлагался для просмотра мультипликационный фильм «Как искусственный интеллект изменит мир» длительностью около 5 минут 30 секунд⁴.

³ Программное обеспечение разработано Институтом психолингвистики Макса Планка в Неймегене и находится в свободном доступе (<https://archive.mpi.nl/tla/elan>).

⁴ URL: https://www.youtube.com/watch?v=RzkD_rTEBYs&embeds_referring_euri=https%3A%2F%2Fed.ted.com%2F&embeds_referring_origin=https%3A%2F%2Fed.ted.com&source_ve_path=OTY3MTQ

Далее в течение 15 минут участники в парах обсуждали данную тему с опорой на ряд стимульных вопросов, которые в течение минуты высвечивались перед ними на мониторе, после чего экран выключался, чтобы не отвлекать внимание. Приведем несколько примеров таких вопросов: *Считаете ли вы, что ИИ уничтожит человечество? По вашему мнению, может ли ИИ обладать сознанием, а если нет, то как мы можем быть в этом уверены? Как вы думаете, кто несет ответственность, когда ИИ принимает плохие решения, из-за которых кто-то страдает? Насколько вероятно, что ИИ начнет испытывать эмоции, и к чему это может привести?*

Съемка велась с четырех ракурсов (фронтально и сверху для обоих участников, фронтально для каждого из участников), что позволяло осуществлять более точный визуальный анализ жестов — как с большой, так и с малой амплитудой (последнее важно в случае малозаметных жестов-адаптеров, таких как поглаживание кончиков пальцев, потирание рук и пр.). Затем четыре видеозаписи синтезировались в единый файл, в который заносилось транскрибирование речи, произведенное с помощью нейросети Whisper, которая была интегрирована в программу ELAN, для автоматической транскрипции и сегментации речи. Анализ проводился двумя командами кодировщиков по четыре человека в каждой: одна аннотировала маркеры позиционирования на основе анализа прагматического значения выражения, которое выводилось из контекста, вторая — жесты по их формальным характеристикам. В качестве вербальной единицы анализа выступали ЭДЕ, при этом при сегментации учитывался ряд факторов: предикативность, длинные паузы, наличие эллипсиса и номинативных структур, перечислений, прерываний, повторов, включенных конструкций и пр. В качестве кинетической единицы анализа выступала жестовая фраза как отрезок мануальных движений, ограниченный состояниями покоя. Она могла включать в себя как однократные, так и многократные движения с несколькими ударными фазами (Kendon 2004).

В результате сбора и обработки эмпирического материала был получен корпус в виде коллекции файлов в формате ELAN, аннотированных по двум параметрам — маркеры позиционирования (4 типа позиционирования и 34 подтипа) и жесты (43 категории жестов по формальным признакам: форма и ориентация ладони, характер движения).

В соответствии с целью и задачами исследования использовались только данные, полученные для интересубъективного позиционирования по следующим его подтипам: согласованность позиций (согласие; несогласие); слияние точек зрения; указание на точку зрения говорящего, слушающего или третьего лица; оппозиция точек зрения; эвиденциальность как способ получения чей-то точки зрения — прямой или косвенный. Приведенные подтипы устанавливались на основе выявления и группировки языковых маркеров позиционирования, чьи прагматические значения выявлялись с помощью контекстуального анализа с применением процедур элиминации и / или перефразирования (табл.).

**Подтипы intersubъективного позиционирования
и примеры их языковых маркеров**

Подтипы и условные обозначения (коды)	Прагматическое значение	Языковые маркеры
Согласованность I1	Указание говорящего на согласие или несогласие	
I1 – 1	согласие	<i>согласиусь, угу, да, есть такое, с чем я согласна, я тоже склонна так думать, да, естественно, ну да, я с тобой согласна</i>
I1 – 2	несогласие	<i>нет, не согласен, я так не думаю, не, ну нет</i>
Слияние точек зрения I2	Указание на обобщенную точку зрения (коллективный субъект позиционирования)	местоимения мы, нам, ты в обобщенном значении, допустим
Указание на точку зрения I3	Указание на мнение субъекта позиционирования	
I3 – 1	точка зрения говорящего	<i>мне все-таки кажется, я думаю (что), мне кажется, я к чему клоню, по моим ощущениям, меня лично как-то трогает, я считаю, я допускаю</i>
I3 – 2	точка зрения слушающего	<i>знаешь, ты, твой, понимаешь, твой, вопросы: Правильно? У тебя есть мысли? А что такое сознание? Да?</i>
I3 – 3	точка зрения третьего лица	<i>они придумают, в этом видео было сказано, а Алиса там как-то сомневается, цитирование третьего лица</i>
Оппозиция точек зрения I4	Противопоставление точек зрения	<i>ты техно-позитивный или наоборот боишься всего, но, наоборот, или... или..., ни...ни..., и (есть разница между какими-то алгоритмами... и тем, как работают), отрицательная частица не или предикатив нет, антонимы</i>
Эвиденциальность I5	Указание на непосредственный или опосредованный способ получения информации для формирования мнения	
I5 – 1	прямая эвиденциальность	<i>я не смотрела, смотрела (я на самом деле смотрела подкаст), я что-то такое видела, насмотрелась, я слышала</i>
I5 – 2	косвенная эвиденциальность	<i>что было сказано (в видео), и там была история про то, как многие говорят, ни о каких роботах вообще речи не было, говорят же про людей, в 2000 году были какие-то страхи-слухи</i>

Для анализа распределения жестов с маркерами интерсубъективности применялась специально разработанная классификация, опирающаяся, с одной стороны, на систему аннотации Я. Брессем (Bressem 2013), учитывающей только формальные характеристики движения (конфигурацию пальцев и ладони, траекторию движения, локализацию жеста относительно корпуса говорящего и др.), а с другой — на понятие миметических схем Дж. Златева — довербальных репрезентаций, основанных на принятом в данной культуре подражании физическим действиям и обеспечивающих синхронизацию речи и жестов. Миметические схемы носят характер типизированных телесных актов (указывать на предмет, ударять рукой, протягивать предмет, хватать, вращать ладонью или пальцем, размещать в пространстве и пр.), производимых с целью интеракции, и менее конкретны по сравнению с собственно манипулятивными действиями (Zlatev 2007). Таким образом были выделены 43 категории жестов, следующих миметическим схемам круговых движений (например, циклические жесты CYC, жесты кругового вращения ладонью вниз PDOH-R), бросания (жесты бросания THrA, подбрасывания Tossing, отбрасывания SwY), балансирования (Swaying — колебательные жесты), протягивания и / или демонстрации объекта (Offering — протягивание открытой ладони, Spreading — разведение рук в стороны с ладонью вверх), хватания и / или удержания объекта (Grasping, 1HOLD, 2HOLD), локализации и размещения объектов в пространстве (Pointing — указательные жесты, BIN — бинарные зеркальные жесты, SIDE-OF — отведение рук в сторону) и др.

Далее рассматривались случаи совместного употребления ЭДЕ с маркерами позиционирования и жестов, относящихся к соответствующим категориям. Такие случаи отмечались, если хотя бы одна ударная фаза жестовой фразы оказывалась в границах ЭДЕ. Учитывалось, что в рамках одной ЭДЕ могли наблюдаться разные (под)типы позиционирования (*Я не уверен* одновременно указывает на эпистемическое и интерсубъективное позиционирование), а жестовая фраза могла совмещать разные формальные характеристики жестов, хотя и относиться к одной миметической схеме. Соответственно, мы анализировали не столько случаи совместного употребления жеста и маркера, сколько случаи проявления тех или иных прагматических значений (подтипов) позиционирования и формальных свойств жестов (по миметическим схемам).

4. Особенности распределения жестов с (под)типами интерсубъективного позиционирования: анализ и интерпретация результатов

Анализ частотности совместного употребления жестов и маркеров интерсубъективности позволил построить так называемые «тепловые карты» как для отдельных говорящих, так и совокупно. Общая тепловая карта пресечений жестов и ЭДЕ с соответствующими языковыми выражениями и с указанием подтипов позиционирования и жестовых категорий приведена на рисунке 1.

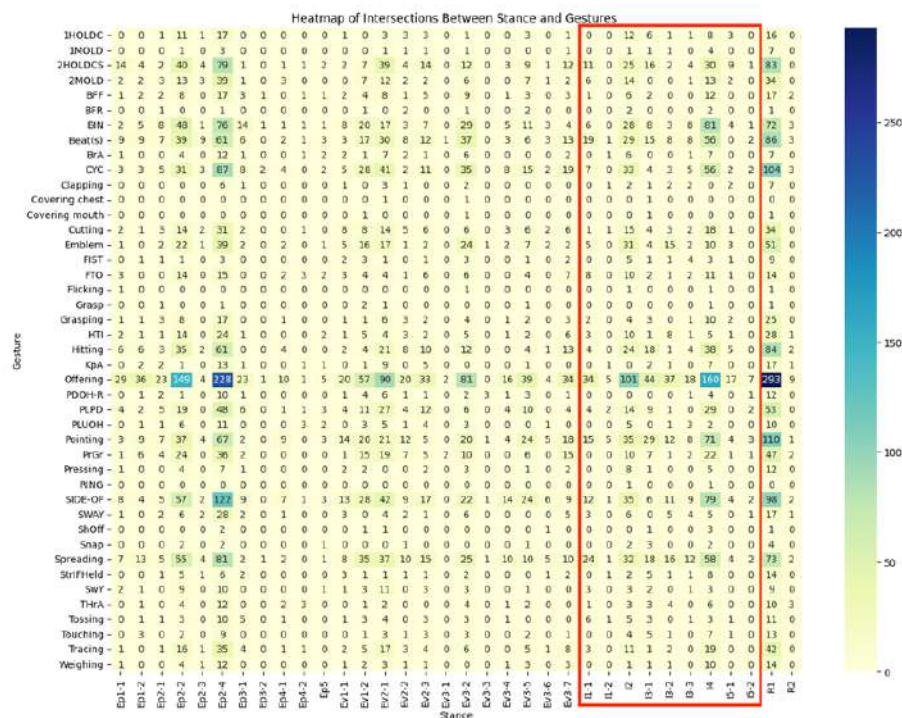

Рис. 1. Частотность совместного употребления (под)типов позиционирования и формальных характеристик жестов в абсолютном исчислении

Красным прямоугольником отмечена зона интересубъективного позиционирования (I1-2 – I5-2), внутри которой выделяется наиболее частотные сочетания в абсолютном исчислении по всей зоне: например, жесты протягивания ладони Offering со слиянием (I2) и противопоставлением точек зрения (I4), бинарные зеркальные жесты BIN, жесты отведения рук(и) в сторону SIDE-OF с оппозицией мнений (I4) и некоторые другие.

Проиллюстрируем частотные сочетания на примере «I2 + Offering» (рис. 2).

Совокупное распределение жестов по всей зоне интересубъективности в относительном исчислении также показывает, что к наиболее частотным жестам относятся жесты Offering (19,5 %, N=423; N_{100%} = 2175). Кроме этого, довольно высокая частотность (свыше 5 %) наблюдается у указательных жестов Pointing (8,4 %, N=182), жестов разведения рук Spreading (7,7 %, N=167), отведения рук(и) в сторону SIDE-OF (7,3 %, N=159), у бинарных зеркальных жестов BIN (6,4 %, N=139), ритмических жестов Beats (6,3 %, N=138) и циклических жестов CYC (5,2 %, N=112).

Рис. 2. Жест протягивания ладони (Offering), сопровождающий ЭДЕ с маркером слияния точек зрения I2 – обобщенного местоимения *тебя*:
Понятное дело, когда у тебя этого нет...

При этом к наиболее часто реализуемым типам интерсубъективного позиционирования в речи относятся противопоставление точек зрения (28,7 %, N=994), указание на говорящего как субъекта позиционирования (24 %, N=829) и слияние точек зрения (15 %, N=512)⁵.

Если проанализировать каждый подтип интерсубъективного позиционирования отдельно, то их контуры распределения по категориям жестов в относительном выражении демонстрируют свою специфику (рис. 3).

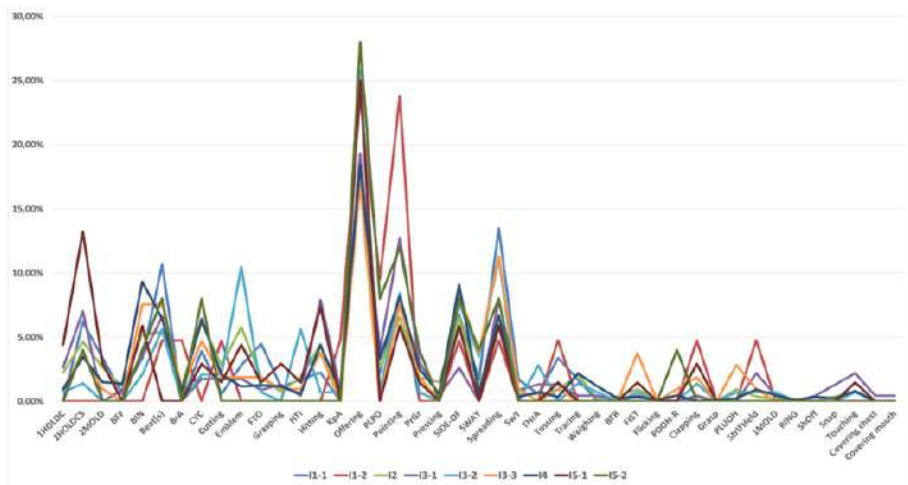

Рис. 3. Распределение жестов по подтипам интерсубъективного позиционирования

⁵ За 100 % здесь принимается общее количество ЭДЕ, содержащих маркеры интерсубъективного позиционирования (всего 3454 ЭДЕ из 10783 ЭДЕ позиционирования всех (под)типов).

На диаграмме наиболее высокие пики для I1-1 (согласие) демонстрируют жесты Offering, Spreading и Beats, для I1-2 (несогласие) – Offering и Pointing, для I2 (слияние точек зрения) – Offering, Pointing и SIDE-OF, для I3-1 (указание на собственную точку зрения) – Offering и Pointing, для I3-2 (указание на точку зрения собеседника) – Offering, Spreading и Emblem, для I3-3 (указание на мнение третьего лица) – Offering и Spreading, для I4 (оппозиция точек зрения) – Offering, BIN и SIDE-OF, для I5-1 (прямая эвиденциальность) – Offering и 2HOLDCS, для I5-2 – Offering.

Таким образом, как показывают тепловая карта и диаграмма (рис. 1 и 3), жест Offering является самым частотным для большинства типов и подтипов позиционирования и для всех типов интерсубъективного позиционирования: ср., в частности, с показателями пересечения для Ep2-4 (неуверенность относительно свойств объекта) и R1 (указание на значимость / релевантность мнения). Это свидетельствует о том, что жесты, частотные для интерсубъективности, вовсе не обязательно говорят о специфике именно данного типа позиционирования, а наиболее вероятно указывают на общие особенности в выражении и координации мнений в устном неформальном диалоге в целом. Другая проблема, затрудняющая выявление четких полимодальных закономерностей, заключается в том, что, как демонстрируют многочисленные количественные и качественные исследования спонтанных жестов, нередко обнаруживается существенное индивидуальное варьирование в жестикуляции говорящих, предпочитающих определенные типы жестов вне зависимости от ситуации общения и локальных интенций.

В то же время наблюдаемые в нашем материале различия в распределении частотных и относительно частотных жестов внутри зоны интерсубъективности позволяют, как мы предположили, выявить интересующие нас закономерности при попарном сравнении отдельных подтипов интерсубъективизации с учетом их пересечений как с определенным типом жестов, так и со всеми другими жестами.

Для количественного анализа, нацеленного на установление некоторых закономерностей в распределении жестов с маркерами интерсубъективности, проведено попарное сравнение для двух (под)типов – согласие vs. несогласие (I1-1 vs. I1-2) и слияние точек зрения vs. оппозиция точек зрения (I2 vs. I4). При этом рассматривались наиболее частотные жесты – Offering, Spreading, Pointing для I1-1 vs. I1-2; Offering, Pointing, BIN, SIDE-OF для I2 vs. I4.

Нами применялся статистический анализ по критерию сопряженности Пирсона, позволяющий оценить значимость различий в распределении жестов с интересующими нас (под)типами интерсубъективности.

Приведем результаты анализа по критерию χ^2 .

Для I1-1 vs. I1-2:

- Offering: значимые различия отсутствуют при $\chi^2 = .0945$, $p = .7584$, $p > .05$

- Spreading: значимые различия отсутствуют при $\chi^2 = 1.171$, $p = .2792$, $p > .05$

• Pointing: значимые различия присутствуют при $\chi^2 = 5.9699$, $p = .0145$, $p < .05$

Для I2 vs. I4:

• Offering: значимые различия отсутствуют при $\chi^2 = .0383$, $p = .8448$, $p > .05$

• Pointing: значимые различия отсутствуют при $\chi^2 = 1.2871$, $p = .2565$, $p > .05$

• BIN: значимые различия присутствуют при $\chi^2 = 7.7956$, $p = .0052$, $p < .05$

• SIDE-OF: значимые различия отсутствуют при $\chi^2 = 2.9289$, $p = .0870$, $p > .05$

В целом анализ с использованием критерия Пирсона выявил наличие статистически значимых различий между согласием (I1-1) и несогласием (I1-2) в случае с употреблением дейктических жестов (Pointing), в то время как для других частотных жестов (Offering и Spreading), сопровождающих ЭДЕ с маркерами согласия и несогласия, подобная закономерность не была установлена.

Смешанные результаты были получены и для пары I2 vs. I4 (слияние и оппозиция точек зрения). Значимые различия были установлены в случае с бинарными жестами (BIN), тогда как жесты протягивания ладони, указания и разведения руками (Offering, Pointing и SIDE-OF) не продемонстрировали устойчивую сопряженность с указанными типами позиционирования.

Это означает, что в соответствии с полученными на этом этапе исследования данными указательные жесты распределяются неодинаково с маркерами согласия и несогласия, при этом они чаще используются с ЭДЕ, содержащими согласие. Относительно бинарных жестов они обнаруживают «тяготение» к ЭДЕ с оппозицией точек зрения, что подтверждается статистическим анализом.

Приведем примеры сочетаний, для которых были выявлены указанные закономерности (рис. 4).

(а) Согласие (I1-1):
Угу, давай

(б) Оппозиция (I4): [...] была возможность как-то
вылезти, или не было такой возможности

Рис. 4. Указательный жест, сопровождающий ЭДЕ с маркерами согласия (а); бинарные жесты, сопровождающие ЭДЕ, включающие противительную конструкцию (б)

Итак, о чем в целом говорят полученные нами данные об употреблении жестов с маркерами интерсубъективности? Прежде всего эмпирически подтверждается, что интерсубъективное позиционирование представляет собой важнейшее и весьма разнородное свойство устной диалогической речи. Интерсубъективность наблюдается в нашем материале в более чем 30 % ЭДЕ с маркерами позиционирования, реализуясь по следующим направлениям: согласие и несогласие с точкой зрения собеседника; слияние точек зрения для подчеркивания универсальности или распространенности мнения; указание на субъекта позиционирования (себя, собеседника, иных лиц); противопоставление позиций; указание на прямой или косвенный способ получения мнения или информации, которая служит подтверждением или опровержением позиции. К самым частотным относятся случаи реализации оппозиции мнений (I4), указания на свою точку зрения (I1-1) и слияния точек зрения (I2), а наименее частотным оказалось позиционирование эвиденциальности. Высокая частотность первых трех (под)типов связана, по-видимому, с темой диалога, построенной на аргументации, что предполагает как разъяснение своей точки зрения, так и стирание границ между разными мнениями для достижения консенсуса.

Анализ жестов с указанными (под)типами интерсубъективности также свидетельствует о том, что данное явление получает регулярное семиотическое подкрепление со стороны кинетической системы. Преобладание жестов протягивания ладони к говорящему (Offering) для всех (под)типов интерсубъективности свидетельствует о кооперативности интеракции и важности имитации физической связи между говорящими.

В то же время, как отмечалось выше, нельзя с уверенностью сказать, что жесты Offering могут служить маркером специфичности интерсубъективизации или что его частотность значимо различается по разным (под)типам интерсубъективного позиционирования. Анализ показал, что в роли таких маркеров-различителей могут выступать указательные жесты, продемонстрировавшие значимые различия в распределении с маркерами согласия и несогласия, а также бинарные жесты — для слияния и противопоставления точек зрения (ср. с исследованием бинарных жестов с оппозитивными конструкциями в публичных выступлениях в: (Ирисханова, Алиева 2024)).

Таким образом, из проанализированных нами на данном этапе исследования жестов только две категории обнаружили некоторые закономерности, а значит, могут быть потенциально отнесены к рекуррентным жестам, которым свойственна прагматикализация в составе определенных словесно-жестовых единств.

Наличие регулярной соотнесенности типов интерсубъективного позиционирования с категориями жестов, сгруппированными по их формальным признакам, позволяет также говорить о том, что воплощенное познание, протекающее в интерактивном режиме, проявляет себя не только на уровне более абстрактных образ-схем, лежащих в основе языковых выражений позиционирования (особенно метафориче-

ских), но и на уровне более конкретных миметических схем, реализуемых через типизированные прагматически релевантные действия, подражающие физическим манипуляциям с объектами. Для интерсубъективного позиционирования важной оказывается регулярная имитация таких действий, как протягивание предмета другому лицу (жесты Offering), локализация объекта (Pointing), размещение объектов в разных местах в пространстве (BIN).

В целом в то время как вербальная модальность является ведущей в построении позиционирования как ментальной системы координат, жесты подкрепляют данный процесс встраиванием физической системы координат в пространство коммуникации. Тем самым говорящий использует дополнительную остенсивную модальность для донесения до слушающего своей оценки, своего отношения к объектам и ситуациям. При условии регулярности данных процессов и устойчивости тех или иных словесно-жестовых сочетаний у большинства говорящих можно говорить о прагматикализации некоторых категорий жестов и, соответственно, об отнесении их к классу рекуррентных.

5. Выводы

Интерсубъективизация как частотный вид позиционирования является полимодальным явлением, что, в соответствии с принципами релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, свидетельствует в пользу ее когнитивной и прагматической значимости для устной диалогической коммуникации.

Кинетическое сопровождение интерсубъективности охватывает практически весь диапазон жестов, наблюдаемых в исследуемом материале, однако к наиболее частотным относятся жесты установления контакта, следующие миметической схеме протягивания или демонстрации объекта. Специфика распределения жестов с маркерами интерсубъективного позиционирования обнаружена в случае указательных жестов, которые употребляются значимо чаще с согласием, чем с несогласием, что, по-видимому, связано с кооперативным характером общения. Значимые различия в распределении бинарных жестов со слиянием и противопоставлением точек зрения (в пользу последних) свидетельствует о том, что оппозиция идей значимо чаще сопровождается имитацией размещения объектов в разных пространствах относительно говорящих. Подобные закономерности подтверждают рекуррентность самих жестов, а также указывают на то, что в ходе диалогической речи связность интеракции на когнитивном уровне обеспечивается не только общностью структур знаний, выражаемых в языке, но и тем, как эти структуры «размещаются» в физическом пространстве вокруг говорящих с помощью жестов.

Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете при поддержке РНФ, проект «Роль рекуррентных жестов в разных языках: социокогнитивные основы полимодального позиционирования», № 24-18-00587.

Список литературы

Гришина, Е. А., 2017. *Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения: корпусные исследования*. М. [Grishina, E. A., 2017. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisti-cheskoi tochki zreniya: korpusnye issledovaniya* [Russian gesticulation from a linguistic point of view: corpus studies]. Moscow (in Russ.)].

Золян, С. Т., 2022. Юрий Лотман: о проблемах языка и языкознания. *Вопросы языкознания*, 1, с. 106–119. [Zolyan, S. T., 2022. Yuri Lotman: On the problems of language and linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, 1, pp. 106–119 (in Russ.)] EDN: KRLLXO, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.106-119>.

Зыкова, И. В., Руджери, Ф., 2024. Специфика функционирования глагольных эмотивов и их жестовых сопроводителей в итальянском телевизионном дискурсе. *LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: сборник тезисов. Санкт-Петербург, 19–26 марта 2024 года*. СПб, с. 963–964. [Zykova, I. V. and Rudzheri, F., 2024. The specifics of the functioning of verbal emotives and their gestural accompaniments in Italian television discourse. In: *LII Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoi: sbornik tezisev* [LII International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya: collection of abstracts], St. Petersburg, March 19–26, 2024. St. Petersburg, pp. 963–964 (in Russ.)] EDN: PQVDHH.

Ирисханова, О. К., ред., 2021. *Полимодальные измерения дискурса*. М. [Iriskhanova, O. K., ed., 2021. *Polimodal'nye izmereniya diskursa* [Polymodal dimensions of discourse]. Moscow (in Russ.)] EDN: OKZDHC.

Ирисханова, О. К., Алиева, М. Р., 2024. Полимодальная грамматика конструкций: противопоставление и жесты в устном экспланаторном дискурсе. *Когнитивные исследования языка*, 5 (61), с. 95–105. [Iriskhanova, O. K., Alieva, M. R., 2024. Multimodal construction grammar: opposition and gestures in spoken explanatory discourse. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 5 (61), pp. 95–105 (in Russ.)] EDN: OJMASU.

Кубрякова, Е. С., 2004. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М. [Kubryakova, E. S., 2004. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitionoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: towards understanding language – parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in cognizing the world.]. Moscow (in Russ.)] EDN: SUQHIP.

Николаева, Ю. В., 2004. Функциональные и семантические особенности иллюстративных жестов в устной речи (на материале русского языка). *Вопросы языкознания*, 4, с. 48–67. [Nikolaeva, Yu. V., 2004. Functional and semantic features of the illustrative gestures in oral speech (based on the materials of the Russian language). *Voprosy Jazykoznanija*, 4, pp. 48–67 (in Russ.)] EDN: OTWUQN.

Падучева, Е. В., 2018. *Эгоцентрические единицы языка*. М. [Paducheva, E. V., 2018. *Egotsentricheskie edinitsey yazyka* [Egocentric units of language]. Moscow (in Russ.)].

Alibali, M., Yeo, A., Hostetter, A. and Kita, S., 2017. Representational gestures helps peakers package information for speaking. In: R. B. Church, M. W. Alibali and D. K. Spencer, eds. *Why gesture? How the hands function in speaking, thinking and communicating*. Amsterdam, pp. 15–37, <https://doi.org/10.1075/gs.7.02ali>.

Bara, B., 2010. *Cognitive pragmatics*. Cambridge.

Bavelas, J. B., Chovil, N., Coates, L. and Roe, L., 1995. Gestures specialized for dialogue. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21 (4), pp. 394–405.

- Biber, D. and Finegan, E., 1989. Styles of stance in English: Lexical and grammatical marking of evidentiality and affect. *Text & Talk*, 9, pp. 124–193.
- Bressem, J., 2013. A linguistic perspective on the notation of form features in gestures. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S.H. Ladewig, D. McNeill and S. Teßendorf, eds. *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction*. Berlin; Boston, pp. 1037–1060, <http://dx.doi.org/10.1515/9783110261318.1079>.
- Bressem, J. and Müller, C., 2014. The family of away gestures: Negation, refusal, and negative assessment. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S.H. Ladewig, D. McNeill and S. Teßendorf, eds. *Body – language – communication*. Berlin, pp. 1592–1604, <http://dx.doi.org/10.1515/9783110302028.1592>.
- Cienki, A., 2022. The study of gesture in cognitive linguistics: How it could inform and inspire other research in cognitive science. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 13 (6), e1623, <https://doi.org/10.1002/wcs.1623>.
- Du Bois, J.W., 2007. The stance triangle. In: R. Englebretson, ed. *Stancetaking in discourse: Subjectivity, evaluation, interaction*. Amsterdam; Philadelphia, pp. 139–182, <http://dx.doi.org/10.1075/pbns.164.07du>.
- Green, J., 2014. *Drawn from the ground: Sound, sign and inscription in Central Australian sand stories*. Cambridge, <https://doi.org/10.1017/CBO9781139237109>.
- Harrison, S., 2014. The organisation of kinesic ensembles associated with negation. *Gesture*, 14, pp. 117–140, <http://dx.doi.org/10.1075/gest.14.2.01har>.
- Heine, B., 2013. On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? *Linguistics*, 51 (6), pp. 1205–1247, <http://dx.doi.org/10.1515/ling-2013-0048>.
- Hunston, S. and Thompson, G., eds., 2000. *Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse*. Oxford.
- Hyland, K., 2008. Disciplinary voices: Interactions in research writing. *English Text Construction*, 1 (1), pp. 5–22, <http://dx.doi.org/10.1075/etc.1.1.03hyl>.
- Kendon, A., 2004. *Gesture. Visible action as utterance*. Cambridge.
- Kibrik, A.A. and Fedorova, O.V., 2018. Language production and comprehension in face-to-face multichannel communication. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 17, pp. 305–316.
- Ladewig, S.H., 2014. Recurrent gestures. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S.H. Ladewig, D. McNeill and S. Teßendorf, eds. *Body – language – communication*. Berlin, pp. 1558–1574.
- Langacker, R., 2007. *Cognitive grammar*. New York.
- Müller, C., 2004. Forms and uses of the Palm Up Open Hand. A case of a gesture family? In: C. Müller and R. Posner, eds. *Semantics and pragmatics of everyday gestures*. Berlin, pp. 234–256.
- Müller, C. and Tag, S., 2010. The dynamics of metaphor: Foregrounding and activating metaphoricality in conversational interaction. *Cognitive Semiotics*, 10 (6), pp. 85–120, http://dx.doi.org/10.3726/81610_85.
- Schmid, H., 2012. *Cognitive pragmatics*. Berlin; Boston.
- Sokolova, O.V. and Feshchenko, V.V., 2024. Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3), pp. 706–733, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40107>.
- Stampoulidis, G., Bolognesi, M. and Zlatev, J., 2019. A cognitive semiotic exploration of metaphors in Greek street art. *Cognitive Semiotics*, 12 (1), pp. 20192008, <https://doi.org/10.1515/cogsem-2019-2008>.
- Verhagen, A., 2007. Construal and perspectivization. In: D. Geeraerts and H. Cuyckens, eds. *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford, pp. 48–81.

Zlatev, J., 2007. Language, embodiment and mimesis. In: T. Ziemke, J. Zlatev and R. Frank, eds. *Body, language and mind*. Vol. 1. Embodiment. Berlin, pp. 297 – 337.

Zlatev, J., 2019. Mimesis theory, learning, and polysemiotic communication. In: M. A. Peters, ed. *Encyclopedia of educational philosophy and theory* (1 – 6). Singapore, https://doi.org/10.1007/978-981-287-532-7_672-1.

Об авторе

Ольга Камалудиновна Ирисханова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Россия; Институт языкознания РАН, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-4966-3337

E-mail: oiriskhanova@gmail.com

Для цитирования:

Ирисханова О. К. Когнитивная прагматика как прагматика полимодальная: анализ intersubjective позиционирования в устном диалоге // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №3. С. 54 – 72. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

COGNITIVE PRAGMATICS AS MULTIMODAL PRAGMATICS: AN ANALYSIS OF INTERSUBJECTIVE POSITIONING IN SPOKEN DIALOGUE

Olga K. Iriskhanova

Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russia
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 Bol'shoy Kislovskiy Per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on 10.11.2024

Accepted on 15.04.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-4

The study follows the tenets of cognitive multimodal pragmatics, focusing on some specific features of intersubjective positioning with gestures in Russian dialogic speech. It is hypothesized that gestures with recurring formal features (type and direction of movement, palm configuration, etc.) exhibit certain regularities when used with pragmatic markers of intersubjective positioning, such as agreement and disagreement, viewpoint blending, reference to the subject of positioning, opposition of viewpoints, and direct or indirect evidentiality. Quantitative and qualitative analyses of video recordings annotated with the help of ELAN software have revealed that offering gestures (open-palm, directed towards the interlocutor) are the most frequently used with all markers of intersubjectivity. However, statistically significant correlations between the gesture types and the (sub)types of intersubjectivity were found only for pointing gestures for agreement vs. disagreement, and for binary mirror gestures for merging viewpoints vs. opposing viewpoints. Namely, pointing gestures are significantly more often associated with agreement, while binary gestures are more commonly linked to the opposition of viewpoints. The approach enables the identification of gestures with regular positioning functions in dialogue (i.e., recurrent gestures). From a cognitive perspective, certain features of embodied cognition in dialogic communication have

been identified. The findings confirm the significance of the bodily orientation of the speakers as related to the viewpoints they express. This is achieved through several mimetic schemas the gestures are based upon: demonstration of an object, establishing physical contact with the interlocutor, and localization or placement of objects in space.

Keywords: intersubjective positioning, gesture, recurrent gesture, mimetic schema, embodied cognition

The research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 24-18-00587 "The role of recurrent gesture across languages: The socio-cognitive core of multimodal stance-taking") carried out at Moscow State Linguistic University (Moscow).

The author

Dr. Olga K. Iriskhanova, Professor, Moscow State Linguistic University, Russia; the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.
ORCID ID: 0000-0002-4966-3337
E-mail: oiriskhanova@gmail.com

To cite this article:

Iriskhanova, O.K., 2025, Cognitive pragmatics as multimodal pragmatics: an analysis of intersubjective positioning in spoken dialogue, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 3, pp. 54–72. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))